

Девочка и козел

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Девочка и козел ДЕВОЧКА И КОЗЕЛ

(из книги «Роман с Фенамином»)

Жила была Девочка.
Водичка текла из краника.
Или это было жабиной блажью?..
Однажды
Девочка взяла
И родила
Козла!
Очевидно это было следствие.
Ученый в очках и Очевидец
пошли по его следам.
Мамочка, следуя традиции,
из сундука выгребла приданое
и бабушкино наследство.
Бабушка из гроба выглянула
и напрасно выкричала:
“Не отдам!”
У услышавших это в голове не укладывалось.
Стали они в умные книжки заглядывать
Труп Психоаналитика в словарик положил закладочку
На букву “М” – “Метафизическая жадность”.
Людишки сказали: “Надо же!”
Ученый и Очевидец
злятся – “Ничего не видно!
Идем по следам,
а следы то туда, то сюда.
Раньше мы знали все.
Но это ни то, ни се!”
Людишки спрашивают: “Вы не в своем уме?”
А в ответ им ни “бе”, ни “ме”.

Тогда от горя пришел Самый Умный:
“Сейчас придумаю!
Поскребу коготками в головы логове”.
Пионеры в гольфиках и колготках
Приносят ему ноготки.
Он букет не принял. Килограммы логики
укладывают алкоголики угодливо в грузовики.

Привезли Самому Умному,
голову засунули
Он им за это водки по стопочке –
ничего другого-то им не хочется.
“Спасибо”, – пискнули. Икнули сумрачно.
(Побаиваются Умного).
За километр умотали, и давай его матом: “Стопочку уступил!..
Так этого ж мало!”
Туманит. Темнеет. Умный с ума сматывает сомнение.
Унимает мнительность. Застывает мнением.
Говорит, по следам направившись:
“Вы отчасти правы.
Все поправимо.
Следствие – половина.
Внутренность – половинка
как пирога начинка.
Пирогу чтобы съестся
необходимо тесто.
И начинку и тесто
надо испечь совместно.
Никчемность следствия поправима
Прикрепленной к нему причиной.
Все объяснимо логикой
и патологией.
Девочка не в шутку и не со зла
родила вам Козла.
Ясна и ослу причина –
ей может быть лишь мужчина”.
Прибежал врач,

кричит: “Бесстыдный трепач!
Чижик, жучок, Жучка, но не мужчина!
Козел беспол, а малышка невинна.
Люди, не верьте!
Проведена проверка.
Да и девочке врать не нужно.
Ей самой тяжело без мужа,
а Козлу еще хуже.”
Девочку вызвали на допрос:
“Не лезь пальцем в нос,
отвечай на вопрос!
Говори, откуда взяла
Козла?”
А она отвечает:
“Я ничего не знаю.
Не надо меня бить, я буду его любить,
катать в колясочке,
рассказывать сказочки.”
Судьи записывают в протокол,
Мамочка плачет: “За что?”
Пришел бог
бухой, босиком и в пальто,
спрашивает: “Кто есть кто?
Называйтесь по именам,
хоть я и не запоминаю.
Я один на свете. У меня есть только Адам.
А остальных не знаю.”
У бога на лбу
написано: “Устрою пальбу”.
Убегает адвокат.
Чернышевский спрашивает: “Кто виноват?”
Потеет судья:
“Только не я!”
Ученый сошел с ума.
Кричит: “Честное слово,
вначале было слово.
И только из интеллигентности

Я как индульгенцию
получил право
налево и направо
говорить “бог в пальто”,
сдерживая мат.
Не бывает Ничто.
Только ад и тюрьма”.
Замолчал: “Больше не бу...”
У бога на лбу:
“Устрою пальбу!”
Достает автомат:
“Кто виноват?”
Козлик нервно хвостиком постукивает.
“Вы, – говорит, – все перепутали.
Чернышевский написал “Что делать?”
Рявкнул бог: “Надоело!
Вот как сниму пальто!
Отвечай, кто есть кто!
Знаю только Адама.
А кто эта дама?”
Судья говорит: “Девочка.
Может быть, Евочка.”
И пискнул, прячась под стол:
“А козел это козел”.
А бог все равно бубнит: “Не понимаю!
Если не выясню, всех перестреляю.
Поглаживает автомат:
Слова – вранье, а правда – мат.
Перед казнью предусмотрительно
узнаю как все было в действительности.
Уматывай, судья!
Спрашивать буду я.
А перед отчетами девочек и козлов
расскажу, с чего все началось.
Вы, мои нелюбимые,
Библию
себе в голову вбили,

бред ее приголубили,
глупые.
Небытие молчанием вымучалось,
вежливость смело и грязно выругалось.
Как – не скажу из приличия.
Но, ей богу, не преувеличиваю.
Мира зубастая пасть разразилась цензурой
Жизнееды жизни вместо прожевали литературу.
Никто не понял одного –
по правде не было ничего.
“Дерево”, – сказал Адам.
Змей сказал: “Не угадал.”
Змей умел изменяться до неузнаваемости.
И Адам на пустоту ползучую уставился.
Протянул ему Змей яблока вымысел:
“Накося, выкуси.”
Все в действительности – не как на самом деле.
Ева: “Я сама”.
Адам: “Я сам”.
Ладно, напололам.
Съели.
Наготу обнаружив, открыли роты:
“Вот она правда-то какая! Кошмар!”
Один невозмутимый летал комар,
зная: это не яблока правда, а наркотика.
Похватили людишки фиговые листочки,
друг от друга стыдливо бегали до утра.
Умудрялись в безумии голых пяток пугаться,
шерстяные носочки
не видеть, не видеть кофты, брюки и свитера.
Все они в рубашках рождались, в чепчиках и колготках.
Они имели одежды, как черепахи панцири, а звери мех.
Но скорчившись, ненароком наркотической голостью,
Ненавидящие невинности,
из невинности извлекали грех.
Стали Адам и Ева пугливо друг в друга тыкаться.
Ева заявила: “Кто-то внутри скребется.”

У меня из живота детка живой выкатился.
Мы его родители.”
“Вот, – говорит бог, – как выдумка правдой врется!
В животике-то было пусто.
А она мне рожать угрожала.
“Больно”, – жалуется.
Кричит уверенно.
Я, как Станиславский, не верю.
Воображением мучается.
Пожалуйста, мне не жалко.
Допустим,
допустим, дети рожаются,
пусть.
Но только не женщиной,
а капустой.
Ева слева.
Справа кушетка.
Вымысел усиливает акушерка.
Вот веселье-каруселье сделали.
Былью не было дерево,
а вы поверили.
“Позвонили мне газели
все сгорели карусели”.
Тушенку кушает акушерка.
Кушетка слева.
Ева,
вы что-то съели.
Все теперь неправильно.
Вы отравлены.
Она мне: “Чем докажешь?”
Ничего не скажешь,
Уплыву за облака,
не увижу яблока.
Огрызается капризно:
“Где огрызок?”
Съела крыса.
Ухмыльнулась и свихнулась,

с мыслью маленькой столкнулась
и рассудку не внима-
яростно сошла с ума.
Хохоча, о хвост споткнулась
и обратно не вернулась,
и на ужин вместо сыра, съела сына.
Адам кричал: “Не понимаю!
Зачем нас выгнали из рая?
Теперь нам холодно и сыро.
Мы голые лежим в сарае.”
“Прости, но рая не бывает”, –
ему сказал я, утешая.
“Но вам безумия хватило
из однокомнатной квартиры
сбежать в разрушенный сарай
и верить, что оставлен рай,
чью явь настойчиво вкропила
в безвольный мозг из яблочного мира
навязчивее жизни лжи игра.
И вы желаете назад
упорно и настой...”
“Чего?” – воскликнул адвокат.
“Вы правы, бог в пальто.
Слова – вранье, а правда – мат.
Нет рая, нет Ничто.
И некуда отсюда смат-
ываться (вверх, вперед, назад).
Ни за любовь, ни за талант
вы не получите наград.
Но выбор есть: тюрьма и ад.
А остальное напрокат
для дела или впрок,
пока дают, бери пока,
себя отдав взалог.
Тогда ты станешь аноним,
и нем, и слеп, и глух.
И все, что выпадут, отним...”

как память у старух.
И сделают тебя одним
из лучших. И соврут.
И испекут на имени-
ны нежной нижины
и высочайшей вышины
большей кровавый каравай.
И все подарки, что не сни-
лись, в дар преподнесут.
И ты не сможешь жить без них
и несколько минут.
Но ткнут тебя, и рот заткнут.
И все, к чему ты так привык,
с руками оторвут!”
“Вы иное отыщите,
опустите простоту”, –
робко вымолвил защитник:
“Знаем правду, да не ту.
Пусть звучит как отвлеченье
Мой туманный монолог.
Я хочу открыть значенье
неких всем известных строк.
“БУРЯ МГЛОЮ НЕБО КРОЕТ”.
Кроет мглою здесь, сейчас.
Мыслью следуйте за мною,
обнаруживайте связь.
Слава богу, боговластье
не свершило приговор
В жизни не было несчастья,
только хитрый уговор.
“ДАР НАПРАСНЫЙ...” скучный, грустный,
жизнь, ты в чем-то чемодан.
В нем лежат бутылки, кружки,
рюмки, чашки и стакан.
Мне мертвец оживший нужен.
Для него все берегу.
“ВЫПЬЕМ С ГОРЯ!” Где же Пушкин?

В одиночку не могу.
“ДАР НАПРАСНЫЙ, ДАР СЛУЧАЙНЫЙ”.
Ваша легкость без стыда.
Гений ваш, как дождь нечаянный,
растечется без следа.
Только боль моя корява,
некрасива кровкой злой.
За посмертной вашей славой
я, бездарный и живой,
вижу, как легко и пусто,
просто между ваших строк,
как пронзительно искусство
боль придуманную врет.
Как тростинка лопнул хрящик.
Плоть сглотнула мой язык.
Оттого, что настоящий
как не длился, не привык.
Кто талантлив – приспособлен,
не терпим, а подходящ.
Настоящим был соскоблен
мой хрустящий хрупкий хрящ.
Полусло...” На полуслове
оборвал защитник речь.
И из горла рвотной кровью
Он животно начал течь.
Душит злость судью. Подушкой
Он защитника убил:
“Ты зачем процесс нарушил?!
И лапшу зачем на уши,
как липучие беруши
накрутил и налепил?
Все я понял, не дослушав
то, что ты нагородил.
Связь прямую обнаружил –
Пушкин, сука, не был б Пушкин,
если б он с тобою пил!”
“КРОШКА СЫН К ОТЦУ ПРИШЕЛ

И СПРОСИЛА КРОХА:
ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО
И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?”
Отчего молчит отец?
Мама охает:
“Кушай, кроха, леденец
и суп гороховый.
Отца из-за добродетели
убили судьи и свидетели.
Что такое хорошо?
Это плохо.
Так никто и не пришел
к нему на похороны.”
Мальчик собрался с мыслями.
Запутался со смыслами:
“Мы сами с усами.
Наоборот – это тоже самое.
Пусть небо обманывает.
Пусть солнце лопается.
Пусть все начинается заново,
то есть кончится.
Будет весело.”
Пошел – повесился.
“Я ЛЮБЛЮ СМОТРЕТЬ
КАК УМИРАЮТ ДЕТИ.”
Я не некрофил,
а вишневый по швам свидетель.
Я гениален на коленях
наглой легендой складываюсь.
Мои нелегальные коллеги –
смелости калеки
похотливо поглядывают.
Падайте ниц!
Цените этот цинизм московский!
Маяковский.
Извольте,
вышвырнув наружу,

родную речь,
ей дайте течь,
чтоб ложь ее
образовала лужу.
Туда и лечь
извольте...
Я не стихи пишу, –
вою.
Тихонько гроыхаю. Не спешу.
Всего нас двое –
Я и Мандельштам.
Остальные уютятся по домам,
словечки рифмуют бережно.
Сделайте мне укол от бешенства.
Ну и что?
Я стану нежным,
как виселица.”
Судья заорал со зла:
“Уберите козла!
Вы все валяете дурака.
Что ждате от козла молока?
Давайте вернемся к Девочке.
Как ты это сделала?
Сама или кто помог?
Снова вмешался бог:
“Какой сегодня день недели?
Понедельник?
Что вы наделали?
Время не убывает.
Недель не бывает,
тем более понедельников.
Людей нет. Есть нелюди.
Мозги прочистите!
Есть только числа.
Люди не размножаются,
а цифирки умножаются.
Девочка не могла

Родить Козла
Никак.
Козел – это знак.
Беззаконно наказание.
Следовательно, оказалось
Козлом то, что ВАМ ПОКАЗАЛОСЬ.
Идет реакция
на козлюцинацию.
У меня создалось ощущение,
что это козел отпущения.”
Пришел Ницше:
“Извините,
Бог умер.
Да здравствует колобок!”
Раздался робкий хлопок.
Судья:
“А как же я?!”
Я в отчаянии.
Начнем все с начала:
Жила была Девочка.
Водичка текла из краника.
Или это было жабиной блажью?
Однажды
Девочка взяла
И родила
Козла.
Как она это сделала?
Прошу отвечать свидетелей.
За ложные показания
получите наказание.”
Рассвирепел свидетель:
“Сколько можно сидеть?
Я на поезд опаздываю!”
Судья: “Прошу постараться
по существу и вкратце.”
Свидетель: “Иногда мне память отказывает.
Что всплывает, то и рассказываю.

Ну, в общем, на меня не рассчитывайте.
Итак, я ее учительница.
Девочка невнимательна.
Двойки по математике.
Недавно ей поставили
двойку по ботанике.
Она как расплачется!
Потом ей мама купила
красное платье
и фартук.
Смотрю, она скатывается
под парту.
Лежит и корчит рожицу.
Не роженица, а кошка.
“Вставай, – говорю,
а она: “Можно
еще немножко?”
Думаю, невозможно!
Что такое?
Ножки ее стали рожками
из рожек выполз Козлик.
Говорит ему Девочка:
“Что с тобой делать?
С чего начать?”
Стала ему читать
то радостно, то грустно
по-русски и по-французски.
Господи, думаю, была же дура!
Откуда такая культура?”
Судья закричал: “Послушайте,
защитник не бредил Пушкиным!
Вот она и взялась
связь!”
Девочка говорит:
“Госпожа Бовари.
Сапжок рабов.
Наив. Борис Виан.

Бритвой по венам.
Венедикт. Ерофеев. Москва.
Петушки. Кровавые откровения.
Шекспир во время чумы.
Жизнь займы.
Цветы зла
в зубах у Козла.
Красное черным залито.
Толерантна Лолита”.
За что боролись,
на то и Бродский.
Поэт – не роскошь,
а россыпь бед.
И станет точным
его сиротство
И хвостик строчки
замкнет скелет.
Не облака, не бога, и не Блока.
Не бросить Бродского, но прочих не узнать.
И навранные скроются до срока,
не повторившись, улица, фонарь.
За что боролись,
на то и Бродский.
Всезаменяющ
его ответ:
“Человек страшней, чем его скелет.”
Этот опыт пытки
заменит библиотеку.
Не замечаю больше
которых нет –
НОЧЬ, УЛИЦУ, ФОНАРЬ, АПТЕКУ.
Бродской не-радостью гниль книг заменил ответ:
“ЧЕЛОВЕК СТРАШНЕЙ, ЧЕМ ЕГО СКЕЛЕТ.”
К петле прикреплен поэт.
Предмет
не увидеть, поскольку предмета нет.
Не замечаю больше ФОНАРЬ, АПТЕКУ.

За что боролись,
на то и Бродский.
Поэт – не роскошь,
а россыпь бед.
И станет точным
его сиротство
И хвостик строчки
замкнет скелет.
Жила была Девочка.
Водичка текла из краника.
Или это было жабиной блажью?..
Однажды...
(смотри сначала).

1991 год. Goşgular